

вия с огнем, занимает на шкале интенсивности высшую точку и в этом смысле может служить мерой степени интенсивности-экстенсивности признака. *Она тиха. И разговор тихой. Кака-то тиховата. Колька тоже шибко не разбежится. Хоть гори! (Вершинино).*

Огонь, наделенный могуществом, выступает и как деструктивная сила, источник разрушения. *Счас ишь какой жар! Все горья горит (Шумиха). Белогорячка больше от водки. Пил-пил да белогорячкой и заболел, так горят же?.. Да пошто он горит?.. Дураком делается, бредит (Вершинино).*

Итак, образ огня в крестьянской культуре создает колористическую картину, несет идею красоты, прекрасного, выступает эталоном силы, жизненной активности, содержит энергию разрушения.

В образной картине мира идея огня моделирует сферу народной эстетики и сферу отклонения от ординарного уровня человеческого существования в сторону интенсивности. Образ огня как эталон прекрасного участвует в изображении окружающего, внешнего по отношению к человеку мира. Огонь как эталон силы и энергии используется преимущественно для характеристики биологических, психических и социальных проявлений человека.

Литература

1. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. М., 1998.
2. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1988.
3. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
4. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 2001.
5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
7. Иванова А.А. Царь-огонь // Русская словесность, 1997. № 4.
8. Юрина Е.А. Образность как категория лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.

А.С. Савенко (Филатова)

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА: МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА

Томский государственный педагогический университет

В качестве одного из основных в данной работе избран *сопоставительный метод*, который определяется в современном языкознании как «исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности» [1, с. 481]. Сопоставительный метод полностью соответствует аспекту данного исследования – мотивированности лексики конкретного языка – и его цели – определению общности и специфики явления мотивации слов в сопоставляемых языках. Однако вследствие того, что современная лингвистика, консолидирующая все парадигмы знания [2, с. 228], экстраполирует традиционные методы из классических сфер применения в новые предметные области, перенос *описательного метода* для сопоставления систем разных языков закономерен. По мнению Г. Хельбига, «первое условие для успешного сравнения языков – это отдельное описание каждого из сравниваемых языков» [3, с. 312].

Таким образом, одним из основных методов сопоставительной мотивологии, целью которой является определение универсальности и специфики конкретного языка в сопоставлении с другим языком, выбран сопоставительный метод, «экстраполированный в описательную лингвистику» [4, с. 57].

Мотивационно-сопоставительный анализ (МСА) рассматривается в работах И.Е. Козловой как «один из видов сопоставительно-типологических исследований» и характеризуется как «специальная, частная, характерологическая, качественно-количественная и структурно-функциональная типология особой мотивологической направленности» [4, с. 55].

Материалом для МСА послужили тематические группы наименований птиц и растений в русском и английском языках. Под тематической группой в настоящем исследовании понимается «ряд слов, объединенных общностью родового значения, то есть таких слов, которые обозначают разновиднос-

ти одного и того же рода предметов» [5, с. 402]. Выбор тематических групп орнитонимов и фитонимов обусловлен рядом факторов.

1. Наименования птиц и растений являются четко выделяемыми группами биологических объектов, характеризующимися устойчивым количественным составом, что обеспечивает полноту охвата исследуемого материала.

2. Орнитологическая и фитонимическая лексика наиболее ярко отображает жизненный опыт человека, его тонкие, яркие и индивидуальные наблюдения над окружающим миром живой природы. В этом отношении можно говорить об отражении специфических черт народного характера, культурных и исторических традиций людей в лексике флоры и фауны.

3. Возможно соотнесение наименования птиц и растений, имеющих в разных языках, с общим внеязыковым когнитивным понятием посредством международной латинской терминологии. Без этого сложно принципиально точно и объективно проанализировать лексические единицы (ЛЕ) русского и английского языков, которые должны быть соотнесены по их денотату.

4. Тематическая группа наименований птиц дает возможность исследовать фонетический тип мотивированности, что позволяет провести полный анализ явления мотивации слов в сопоставляемых языках.

5. Признаковая оппозиция двух тематических групп (птицы обладают в основном динамическими характеристиками, тогда как растения – статическими), по мнению И.Е. Козловой, дает возможность многосторонне описать явление мотивации слов и создает предпосылки «межгруппового» МСА.

6. Обращение к орнитологической и фитонимической лексике тесно связано с решением общелингвистических проблем: исследованием с точки зрения типовых закономерностей проявления признаков мотивации, их общих и отличительных черт; установлением типологии мотивации и мотивированных наименований.

Сопоставление ЛЕ разных языков предполагает их описание по одним и тем же критериям. Трудность в сопоставлении лексического материала заключается в неадекватности его представления в разных языках. В связи с этим в сопоставительной мотивологии важно подготовить исследуемый материал к МСА.

Материалом исследования являются 400 наименований птиц и 400 наименований растений в русском и английском языках. Материал исследования полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к материалу МСА.

Вслед за О.И. Блиновой, эти требования понимаются как «экстралингвистические», связанные с

неязыковыми факторами, и «лингвистические», связанные с особенностями языковой системы.

«Лингвистические» требования, такие как: 1) номенклатурность (наименования, зафиксированные как номенклатурные названия и составляющие общий литературный фонд русского и английского языков), 2) денотативная соотнесенность и 3) однословность наименований – были выполнены.

Третье «лингвистическое» требование – однословность наименований – обусловлено двусторонней направленностью мотивологического анализа (от звучания к значению и от значения к звучанию). В материал МСА не включаются составные названия биологических объектов типа *живучка ползучая*, *красноголовый нырок*, как это принято в практике ономаσιологического анализа. В материал исследования вошли только те видовые названия птиц и растений, которые являются однословными: *поповник*, *ржанка*. Если видовые названия состоят из двух слов, например, *калужница болотная*, *калужница лесная*, т.е. дополнительно указывают на видовой признак, то для анализа избирается только общее родовое название: *калужница* (подробнее см. [4, с. 74]).

«Экстралингвистические» требования, выдвигаемые И.Е. Козловой, а именно: 1) требование «ареальной соотнесенности», которое подразумевает, что к МСА должны привлекаться названия тех природных объектов, ареалы распространения которых зафиксированы на территориях проживания носителей русского и английского языков, и 2) требование представленности исследуемых реалий в сознании носителей языка, выдвинутое по причине специфичности анализируемых тематических групп, – не являются решающими требованиями.

Требование «ареальной соотнесенности» отступает в стороне от МСА определенное количество наименований птиц и растений. Выбор данного требования как обязательного, скорее всего, был обусловлен тем фактом, что носитель русского (английского) языка видел такую птицу или растение на территории своего проживания, и это создавало объективные условия информантам для мотивации ЛЕ. Отсюда же вытекает требование представленности исследуемой реалии в сознании носителя языка. Однако поскольку в качестве информантов для настоящего исследования были избраны «рядовые» носители языка, а не специалисты (орнитологи и ботаники), как в случае проведения психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) И.Е. Козловой, то можно предположить (что впоследствии и было подтверждено в ходе ПЛЭ), что именно «рядовой» носитель языка никогда не встречал ни птицу (растение), обитающую на территории его проживания, ни птицу (растение), населяющую какую-либо дру-

гую местность. Например, птица *колтица* (англ. *spoonbill*), обитающая в южной части Судана и восточной части Заира, одинаково осознается носителями русского и английского языков.

Требование представленности исследуемых реалий в сознании носителей языка в настоящем исследовании было заменено одним из условий проведения ПЛЭ: информанту предлагались иллюстрации птиц/растений, аудиозапись голосов птиц, а также видеозапись птиц. К тому же, как выяснилось в процессе проведения ПЛЭ, «рядовые» носители языка, в отличие от специалистов орнитологов и ботаников, осознают слово мотивированным тогда, когда последние считают его немотивированным. Например, *гриф* (мотивационное значение (МЗ): «птица, шея которой похожа на» гриф «гитары»), *неясыть* (МЗ: «не сытая, «всегда голодная птица»), *щур* (МЗ: «птица, которая» щурится») и т.д. В этом случае анализируемая ЛЕ проходит этап демотивации > ремотивации/лексикализации внутренней формы слова (ВФС).

Методика МСА, предложенная в [4, с. 76], была заимствована и в некоторых случаях дополнена в настоящей работе.

Прием *словарной идентификации* был введен в практику МСА в связи с недостаточностью данных для сопоставительной мотивологии в существующих на данный момент двуязычных словарях. Так, англо-русский словарь в 2-х тт. В.К. Мюлера не всегда точно отражает англо-русские эквиваленты названий птиц и растений.

Например, в качестве русских эквивалентов английского названия птицы *robin* в англо-русском словаре В.К. Мюлера представлены слова *зарянка* и *малиновка*. При поиске английского названия птицы *robin* в «Enciclopedia Britanica» и при денотативной соотнесенности русских и английского слов выяснилось, что английское слово *robin* (*Erithacus rubecula*) соответствует русскому *зарянка* (*Erithacus rubecula*).

В связи с этим предварительная подготовка языкового материала МСА с помощью приема словарной идентификации имеет ключевое значение для проведения дальнейшего сопоставления и получения достоверных результатов.

Техника использования приема словарной идентификации включает:

1) поиск по английским определителям птиц и растений научного латинского названия биологического объекта, обозначенного английским литературным наименованием;

2) поиск по русским определителям русского литературного наименования, обозначенного определенным латинским названием;

3) выявление для каждого латинского названия птицы и растения единственно верной пары русского и английского наименований.

Такой механизм использования приема словарной идентификации работает в случае обнаружения адекватных ЛЕ русского и французского языков и частично адекватных ЛЕ русского и английского языков.

В данной работе некоторые ЛЕ, отобранные согласно такому алгоритму, все еще не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к материалу МСА. В англо-русском биологическом словаре были выявлены такие наименования птиц и растений, которые имеют от двух до пяти эквивалентов в английском языке с одним и тем же латинским названием. Например, *иван-чай* – англ. *willowweed* (*Chamenerium angustifolium*) / *sally-bloom* (*Chamenerium angustifolium*), *стрелолоист* – англ. *arrowhead* (*Saggitaria*) / *saggitaria* (*Saggitaria*) и т.д.

В этом случае для МСА не отбирались:

1) ЛЕ, заимствованные из латинского языка. Например, *синеголовник* – англ. *eryngia* (*Eryngium*) / *fever-weed* (*Eryngium*).

2) ЛЕ, у которых отсутствовало латинское название, поскольку при переводе названий животных и растений в случае несоответствия английского, русского и латинского наименований составители англо-русского биологического словаря не приводили латинский термин.

3) ЛЕ, обозначающие несколько реалий. Например, *sally-bloom* 1. иван-чай 2. горец зеленоводный (*Polygonum amphibium*) 3. плакун, дербенник иволистный (*Lythrum salicaria*). В этом случае для МСА отбирается ЛЕ, имеющая одно лексическое значение, а не несколько, так как носителю английского языка будет сложно определить, о чем идет речь, – об *иван-чае*, *горце зеленоводном* или *плакуне*. Таким образом, для МСА английское слово *sally-bloom* не подходит, тогда как *willowweed*, обозначающее также *иван-чай*, избирается для сопоставительного анализа.

Процедура отбора так называемых «дублетов» английского языка могла значительно упроститься, если бы в словаре стояла помета «общеупотребит.» или «диалект.», однако англо-русский биологический словарь никаких помет не дает.

После того как языковой материал МСА был отобран и соотнесен в сопоставляемых языках посредством словарной идентификации, он подвергается специальному психолингвистическому анализу, получившему название *психолингвистического эксперимента*.

Поскольку мотивация рассматривается современной лингвистикой как сложное психолингвистическое явление – один из способов познания и осознания окружающего мира, то ее изучение невозможно без обращения к показаниям языкового сознания носителей языка. Как считает О.И. Блинова, мотивированность/немотивированность ЛЕ

определяется осознанием носителем языка связи звучания и значения слова, основанным на ассоциации с другими ЛЕ [6, с. 21].

Прием ПЛЭ характеризуется апелляцией к сознанию носителя языка, цель его – получить результаты осмысления носителем языка элементов своего языка.

Согласно одному из основных принципов современной научной парадигмы в лингвистике – антропоцентризму – эксперимент «становится самым сильным видом аргументации», при этом «сама возможность эксперимента в корне меняет наши представления о языке, делая его сопричастным процессу познания» [7, с. 135]. Применение ПЛЭ, по мнению О.И. Блиновой, меняет и роль носителя языка, который из пассивного информанта – объекта исследования его речевой деятельности – превращается в активного информанта – субъекта исследования [8, с. 3].

Исследование явления мотивации слов показало, что в некоторых аспектах МСА (например, при изучении лексических процессов демотивации, ремотивации, лексикализации внутренней формы слова) прием ПЛЭ становится единственным источником сбора информации.

Суть эксперимента заключается в следующем: группе лиц – носителей исследуемого языка – в разных формах (анкета, беседа, устный опрос) было предложено ответить на вопрос: «Как Вы думаете, почему птица (растение) так называется?». Количество ЛЕ, объясняемых информантом, определялось индивидуально, в зависимости от их желания и других субъективных причин. Как считает И.В. Тубалова, «главным недостатком ПЛЭ является искусственность сбора материала, поэтому экспериментальные данные должны быть представлены в большом количестве и проверены в различных условиях» [9, с. 33].

В ходе проведения ПЛЭ было получено по 100 ответных реакций на каждую ЛЕ как русского, так и английского языков.

В некоторых случаях наличие цветной иллюстрации играет большую роль. Иллюстрация позволяет информанту оценить внешний вид растения (птицы), окраску растения (оперения птицы), особенность покрова растения (например, *пушица* – МЗ: ‘растение <с> пушистым <соцветием>’). Если при проведении ПЛЭ носителю русского языка иллюстрация представляется, то его показания являются более объективными. Так, информант, не видевший изображения растения *белокопытник*, охарактеризовал его следующим образом: «Скорее всего, какая-то часть растения белого цвета, наверное, лист или цветок напоминает форму копыта». Носитель русского языка, ознакомленный с иллюстрацией растения, описал *белокопытник* как «бе-

Белокопытник

лый цветок, лист которого формой напоминает копыто животного». В первом случае внутренняя форма слова является лексикализованной, во втором – нелексикализованной.

С другой стороны, у информантов, не видевших иллюстрацию, возникает большое количество вариантов ответа. Например, «растение белого цвета», «если животные ходят по месту, где растет *белокопытник*, их копыта становятся белыми», «растет в следах от копыт животных». Иногда отсутствие иллюстрации и, наверное, фантазия информанта приводят к тому, что рождается целая легенда: «на лугу от следа животного остался след, в котором зацвел белый цветок, впоследствии его стали называть *белокопытник*». Тогда вероятность того, что ВФС будет вариантной либо вариативной, увеличивается.

Однако не всегда иллюстрация бывает необходимой. Если растение или птица хорошо знакомы информанту, отсутствие иллюстрации не влияет на «чистоту» эксперимента. Например, *колокольчик* – МЗ: ‘растение, <цветок которого по форме напоминает> колокол’, *ворона* – МЗ: ‘<птица> вороного <цвета>’.

Аудиозапись при проведении ПЛЭ тоже важна. Многие из нас слышали голос *кукушки* и без труда могут объяснить, почему птица так называется (*кукушка* – МЗ: ‘птица, <голос которой звучит как> куку’). Но аудиозапись порой помогает информанту объяснить название птицы уже тогда, когда он счел слово немотивированным. Например, *выпь* (МЗ: ‘<птица, голос которой звучит как> ып-ып’), *грач* (МЗ: ‘<птица, голос которой звучит как> гр-гр’), *chiff-chaff* (пеночка) (МЗ: ‘<птица, голос которой звучит как> chiff-chaff’).

К тому же аудиозапись позволяет более точно охарактеризовать тип мотивированности: *god/WIT* (веретенник) (МЗ₁: ‘умная <птица>’), *godwit* (МЗ₂: ‘<птица, голос которой звучит как> godwit’), а также тип мотивировочного признака (МП): *веретенник* (МЗ₁: ‘птица, <клюв которой внешне напоми-

нает> веретено', МЗ₂: 'птица, <голос которой звучит как> веретень-веретень', МЗ₃: 'птица, <которая при полете двигается, как> веретено'). В данном случае МП₁ указывает на внешний вид птицы, МП₂ связан с голосом птицы, а МП₃ – с манерой поведения птицы.

Видеозапись совмещает в себе функции иллюстрации и аудиозаписи, но проведение эксперимента с привлечением видеозаписи довольно затруднительно.

Таким образом, привлечение иллюстрации, аудио- и видеозаписи повышает «чистоту» эксперимента.

У письменного и устного опроса существует ряд недостатков и преимуществ. При устном опросе можно использовать перечисленные выше вспомогательные средства, что, несомненно, повышает объективность полученных результатов. К тому же при устном опросе у исследователя больше возможностей понять, был ли ответ информанта точным, полным, был ли информант уверен в единственном варианте ответа, при необходимости можно уточнить формулировку ответа. Однако исследователю нужно дословно записать полученную информацию, не привнося в нее своих корректировок, что порой бывает очень сложно сделать, учитывая сбивчивые ответы опрашиваемых.

Письменный опрос (анкетирование), как правило, проводится в группе информантов, что затрудняет привлечение иллюстраций и других вспомогательных средств. Ответы информантов, записанные на бумаге, впоследствии лишь обрабатываются, поэтому элемент субъективности, который присутствует при устном опросе, здесь не имеет места. Вместе с тем такая форма проведения ПЛЭ предоставляет меньше возможностей контролировать ход эксперимента.

Прием ПЛЭ избран одним из ведущих приемов МСА как отвечающий целям, задачам и требованиям мотивологического исследования.

Метаязыковые контексты, полученные в ходе ПЛЭ, подвергаются *компонентному анализу*, который позволяет выявить типичные мотивирующие суждения, актуализирующие значимые сегменты ВФС.

«Основная идея компонентного анализа заключается в создании представления о значении слова как информации, которая образуется комбинацией составляющих ее элементарных смыслов» [4, с. 81]. Задача компонентного анализа в мотивологическом исследовании – описание мотивационных значений исследуемых ЛЕ посредством определенного набора сем и их интерпретации. Прием компонентного анализа служит для изучения структуры не только отдельного мотивационного значения, но и всего механизма лексической системы языка.

Выявление компонентов мотивационной формы (МФ) основано на соотнесении мотивированного слова с мотивирующими его единицами. Например, наименование птицы *льнянка* связано мотивационными отношениями с однокоренным словом *лен* и с одноструктурными *просянка*, *ржанка*, *коноплянка*. В результате соотнесения мотивированного слова с лексическим и структурным мотиваторами в слове вычленяются семантизированные компоненты ЛЬН/ЯНКА.

Значение мотивирующей части ЛЬН-, соотносящееся со словом *лен*, составляет МП наименования, а значение формантной части -ЯНКА определяется в мотивологии как классификационный признак.

При проведении МСА формулировка МЗ имеет некоторые особенности. «Одна из главных задач при этом – *корректная* формулировка связочных (т.е. не отраженных в МФ слова) компонентов МЗ, которые были актуализированы в высказываниях носителей языка, а также выведение итоговой конструкции» [4, с. 84].

Например, фит. *бородатка*: 'с бородой', 'потому что бородатое растение', 'листья в форме бороды', 'листья похожи на бороду'. Семантическая однородность показаний языкового сознания позволила сформулировать общее невариантное МЗ 'растение, <листья которого похожи на> бороду'. Здесь учитываются все связочные компоненты, отраженные в контексте.

При получении разнородных реакций на внутреннюю форму слова в показаниях языкового сознания все контексты группируются в несколько МЗ с учетом их семантической идентичности и семантической разнородности. Например, *зарянка* – несколько разночтений: 'цвета зари', 'летает на заре', 'перошение оранжевое, как зари', 'поет на заре'.

В данном случае формулировка МЗ осуществляется посредством группировки синонимических показаний в одну конструкцию; в итоге получаем вариантное МЗ слова: МЗ₁: 'птица, <которая поет на> заре', МЗ₂: 'птица <с оперением цвета> зари', МЗ₃: 'птица, <которая летает на> заре'.

Для сопоставления исследуемых ЛЕ в программе МСА вводится прием *сегментного наложения*. «В основе приема лежит процедура выделения совпадающих и несовпадающих сем компонентов МЗ сопоставляемой единицы одного из языков путем их логического «вычитания» из МЗ соответствующего ему наименования в другом языке» [4, с. 85].

Завершающий этап МСА – *прием статистической обработки* результатов. Поскольку задачей мотивационно-сопоставительных исследований является выявление языковых тенденций, это невозможно осуществить без определенных количественных данных. В сопоставительных исследова-

ниях «точность определяется не количеством цифр, а «симптоматической» статистикой, которая формулируется в понятиях «чаще», «реже», «больше», «меньше», позволяя вывести основные языковые тенденции» [10, с. 14]. Учитывая ведущую роль ме-

тодов математической статистики при определении как общих языковых тенденций, так и частных, включение в исследование статистических данных является необходимым для различных обобщений на основе наблюдаемых различий.

Литература

1. Виноградов В.А. Сопоставительный метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца XX в. М., 1995.
3. Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. М., 1989.
4. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
6. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. Блинова О.И. Роль психолингвистического эксперимента в изучении образности слова // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
9. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник явления мотивации слов: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.
10. Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопр. языкозн. 1972. № 5.

С.П. Мащенко

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «НАРОДНОГО ПРАВОСЛАВИЯ» В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Благовещенский государственный педагогический университет

Профессиональное становление будущего преподавателя русского языка как иностранного – сложный и многогранный процесс, наиболее важной стороной которого является формирование как общей, так и профессиональной культуры педагога.

Высокая культура преподавателя русского языка как неродного предполагает максимально приближенное к уровню образованного носителя языка владение речевой деятельностью, вооруженность разнообразными средствами обучения, умение решать творческие задачи в определенном мировоззренческом, духовно-нравственном контексте.

Иностранные выпускники российского педагогического вуза, придя работать в школы и другие учебные заведения у себя на родине, должны с помощью различных форм работы и средств обучения воспитывать своих учеников в духе толерантности по отношению к русским людям – представителям другой национальности, другой духовной культуры, реализовывать в педагогической деятельности «концепцию коммуникативного иноязычного образования», развития индивидуальности в диалоге культур [1]. Согласно данной концепции, язык является не только средством общения, но и сред-

ством достижения основной цели образования – формирования человека, homo moralis (человека духовного), развития духовных сил человека, возвышения его потребностей, воспитания морально ответственным и социально приспособленным, а содержанием образования должна быть культура [1, с. 423–425]; в контексте нашей работы – духовная культура, в основе которой лежит культура православного христианства [2].

Говоря о христианстве, необходимо учитывать, что это культурное явление не тождественно «религиозной институции» (от лат. institution – «устройство», «наставление», «указание») – официальной форме религиозной жизни, установленной Церковью и поддерживаемой обществом (догматическим учением, каноническим предписаниям, являющимся результатом специальной богословской рефлексии) [3, с. 67–69].

В нашем дискурсе речь идет о народной культуре, инвариантное содержание которой составляют представления о природе, человеке, об идеалах мудрости, добра, красоты, о формах «правильного и неправильного» образа жизни, поведения в обществе, о служении людям, способах воспитания; религиозно-мифологические понятия об отношениях